

* * *

Где обитает птица козодой?
Над пахнувшей стрелокозами водой.
Козодоење — неказистый труд,
куда важней вязанье козлей шерсти
и прибыльней, и знатоки не врут...
Но козодой далеко от совершенства!

Кричи, кричи! Я не слышал твой крик,
а выдумал и вычитал из книг.
Леса обложек, пыльная прохлада —
где обитает птица козодой?
На Кронверке, на ветке золотой,
на Петроградской, в центре Ленинграда.

* * *

— Ты плачешь? — Нет. Я вижу Пиренен
и слышу шелест каталонских роз... —
Любимая! Мытарствуем, болеем,
пленаем и пленяемся всеерьез...
Что я? Меня сомнения питали
и легкий звон походных литургий.
Топтали землю грузными деталями
тяжелые брабантские стрелки...
Любимая! Я помню запах дыма
и синий бархат виноградных кос,
и плачу, и смеюсь неразделимо
с дыханием и пением стрелоз.
Я — зеркало! Не думайте — кристальное!
Костлявая кричащая родня —
Кастилия... — казалась мне крестами,
и красным перцем — листики огня...
Я гез, распутный дон, искусный повар,
фламандский враль, обжора, тихий плут, —

168

как ишака, тащи меня за повод
туда, где обещания цветут...
Любимая, пока твоя одежда
и кожа вызывающе свежи,
ты падаешь и медленно, и между
горячими откосами межн...

Ты плачешь? — Нет. Я слышу голос сердца
и, ежели не впроголодь сердцам,
пускай мое коротенькое сердце
скорее доиграет до конца,
пускай, мой гез, твои ладони больно
шпирами длиннх, каталонских... и
пускай меня, как маленькую пони,
хозяйские прогонят холоду,
пускай, мой гез, стремительным и странным
покажется желание мое,
пускай, пускай пожизненно, постранно —
чиновники, начальники, ворье...
Но жгут ладони жесткие цветы.
Пока лягушкам жить и жабам квакать,
и окнам прогорать до темноты,
пока героям пуговицы поргить,
до блеска начищая на парад, —
мы только гезы... Ты — укромный порттик,
я — твой кораблик, легкая кора...

* * *

...до горения, сладости, боли, течения сна,
до течения, сна, упования, плаванья, плена,
проплывания мимо — так близко от берега! — на
берегу распускаются травы... ты помнишь, Елена?
как болел я и виделось мне — проплывал, берегам
расставаться с водой не хотелось, и низко осели
берега, и на уровне глаз оставались луга...
позади согреваемой жаром больничной постели...
ты мне сплалась, и не было снов беспокойнее, и
засыпал, но не видел твоих очертаний, и просто
засыпал на волне, просыпался и снова... огни
фонарей принимаая за свечи высокого роста...
и горели лампы, и не было в мире лампад
так отважно, как эти, укывших тебя, так спокойно
не от взоров монах, не от рук или слов, или

169

адресованных слугам твоим обещаний, соблазнов... и войны,
что бросал я к ногам твоим слугам, бросал как орех —
и бросал в колесо для твоей дессированной белки...
ты смотрела сквозь слезы и дым, сквозь ресницы и мех,
как грозил я и грезил, и плыл, и у берега мелко
было... и, нарушая покой тишины, я капризно
цеплялся за стебли твоих цветников, и казалось —
ты в одежде из птиц, мотыльков или бабочек из —
говорила:

Дождись! дождись, как я дожидалась...
через тысячу лет ты меня повстречаешь во сне,
и тогда, если сны наш снова сомкнутся, как губы,
не жалея угроз и молитв, драгоценных монет
раздавая бесцельно моим избалованным слугам,
проходи, не пугаясь разрушить мой цветники,
забывая на миг овертания брачных чертогов,
не срывавай одеяний, не сбрасывай обувь — накинь
на себя из тончайшего шелка и жемчуга тогу,
что ткала я узор за узором, виток за витком,
вспомнивая твой сон по частям, по узорам, по цвету,
вспомнивая тебя, вспоминая, забывая о ком...
вспомнивала до сладости, боли, горения света...

* * *

Суок!

это имя и шелковый мячик в руке и картонный уют
балаганного бала

Суок!

ружейник гимнаст врачеватель и бог стрелок наугад
но и этого мало

Суок!

как тающий сахар на блюде
с горячей и сладкой судьбой
о чайные сумерки! не оглянуться
нечаянно не покачать головой

Суок!

а в мире пирожных серебряных ложек английского
сада по сути
смычки или танцы мечтали — останься! останься,
еще потанцуем

Суок!

прощайте мой шелковый мячик в горсти
бумажное счастье — снежок конфетти
и шапка из снега у верного негра

Суок!

простим и простимся — прощайте, пора
забыть абиссинское небо двора
и вальса немецкого негу

Суок!

это я проклиная нищету устала, мое неуклюжее
пажество,
еще покачаюсь, еще поцвету среди голубых колыханных
плюмажа

Суок!

искусных игрушек и кушаний вкусных
среди серых лошадок
смотрела как смотрят в запретный замок и
совсем не дышала

Суок!

ворчи оружейник скрипи карабин кривляйся канатный
плясун обруби

последнюю нитку опоры нетвердой надежды

урок заучи самоучка-стратег — ты тоже оборван и

тоже из тех

кто тонкие нити порвет этой музыки нежной

Суок!